

**ПОЭМА «ДОМИК В КОЛОМНЕ»
И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ
ПУШКИНА РУБЕЖА 30-х ГОДОВ XIX ВЕКА**

«Домик в Коломне» написан Пушкиным «болдинской осенью» 1830 года в период напряженных художественных исканий, подводивших итоги его предшествующему творчеству и намечавших развитие его на будущее. Поэма эта принадлежит к числу наиболее значительных и вместе с тем наименее осмысленных произведений Пушкина зрелого периода его творчества. Исследовательская литература о «Домике в Коломне» невелика и очень неравноценна. Часть работ, посвященных поэме, вообще уводит в сторону от определения ее реального значения, другие касаются преимущественно отдельных аспектов ее изучения: более всего исследованы творческая история «Домика в Коломне», его связь с журнальной полемикой конца 20-х годов, а также традиции, к которым восходит и которые открывает пушкинская поэма.

В свое время В. Г. Белинский, оценивая «Домик в Коломне», ограничил значение поэмы, подчеркнув преимущественно ее «колорит», который, по его мысли, может единственно цениться в произведениях поэзии, как и в живописи. В целом же для него это — «игрушка, сделанная рукою великого мастера», хотя, наметив наиболее плодотворное истолкование поэмы, Белинский увидел в ней доказательство «простой истины», «что жизнь, лишь бы искусство верно воспроизводило ее, всегда высоко для нас занимательна и что люди, ищущие в произведениях искусства только эффектных сюжетов, не понимают ни жизни, ни искусства»¹.

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. VII. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 535—536.

Оценка Белинского predeterminedила во многом последующую литературоведческую оценку «Домика в Коломне», в которой формальные достоинства поэмы нередко выдвигались на первый план, заслоняя ее подлинное историко-литературное значение. Менее всего «Домик в Коломне» привлекался к исследованию тенденций развития творчества Пушкина в переломный для него период начала 30-х годов: здесь, кроме самых общих соображений, сделано еще совершенно недостаточно. Попыткой постановки этого вопроса и является предлагаемая статья.

«Домик в Коломне» — произведение, в котором отчетливо проявились художественные искания Пушкина, связанные с изменениями в его реалистической системе. Поэтому очень важно осмыслить поэму в ряду других произведений, написанных в одно с ней время. Это позволит определить характер «Домика в Коломне» и те особенности поэмы, которые не всегда заметны при изолированном ее изучении.

Для исследователя «Домика в Коломне» очень важно представлять себе, в каких условиях создавалась эта поэма, наряду с какими произведениями она возникла, и, опираясь на это, определить характер ее связи с ними. При этом, конечно, необходимо соблюдать чувство меры и не становиться на путь произвольных параллелей, в особенности в истолковании содержания поэмы. Начну с хронологии. В рукописях «Домика в Коломне» мы имеем две даты — 5 окт. (ею датированы строфы, по большей части не вошедшие в окончательную редакцию поэмы) и 9 окт. (дата в конце рукописи). Таким образом, работа над поэмой относится к началу октября 1830 года. В это же время (а также несколько ранее) Пушкин пишет «Повести Белкина» (к моменту начала работы над «Домиком в Коломне» были уже написаны «Гробовщик» — 9 сент., «Станционный смотритель» и «От издателя» — 14 сент. и «Барышня-крестьянка» — 20 сент.; вскоре после «Домика в Коломне» Пушкин создает также «Выстрел» — 14 окт. и «Метель» — 20 окт.); 18-м и 25-м сент. последовательно датируется окончание работы под VIII («Путешествие Онегина») и IX (в окончательном варианте — VIII) главами «Евгения Онегина»; наконец, концом сентября-октябрем 1830 г. датирован целый ряд стихотворений Пушкина, из которых следует назвать «Ответ анониму» (26 сент.), «Прощанье» (5 окт.), «Румяный критик мой...» (10 окт.) и «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» (окт. 1830 г.). Работа над «маленькими трагедиями» велась преимущественно позднее (ранее «Домика в Коломне» — 11 сент. был закончен только «Моцарт и Сальери», остальные писались между 23 окт. и 6 ноября 1830 г.). Таким образом, непосредственным окружением «Домика в Коломне» в ряду произведений Пушкина, созданных в пору «болдинской осени» 1830 г., явились прежде всего «По-

вести Белкина» и стихотворение «Румяный критик мой...», законченное на другой день после завершения работы над поэмой. Это очень важное обстоятельство, и на связи поэмы именно с этими произведениями я остановлюсь впоследствии. Пока же необходимо коснуться другого вопроса — о связи «Домика в Коломне» с «Евгением Онегиным».

Должен оговориться, что каждый из поставленных вопросов может явиться предметом специального исследования, и в краткой статье поэтому их можно решать лишь суммарно, не касаясь деталей и не затрагивая всех встающих при их изучении аспектов.

Как и «Граф Нулин», «Домик в Коломне» — произведение, тесно связанное с опытом работы Пушкина над его «романом в стихах»; правда, в отличие от «Графа Нулина», где давалась сниженная трактовка аналогичной темы (поместная жизнь русских дворян), в «Домике в Коломне» изображается совершенно иная среда, причем само право поэта обратиться к изображению этой среды в ее повседневной, лишенной эффектности жизни полемически утверждается в поэме. Это находит свое отражение в особенностях жанра «Домика в Коломне» — шуточной поэмы, сюжет которой оказывается отодвинутым целым рядом, казалось бы, не относящихся к нему рассуждений и эпизодов. Вместе с тем жанровые признаки «Домика в Коломне» оказываются, несомненно, связанными с принципами стихотворного повествования, определившимися в пору работы Пушкина над «Евгением Онегиным».

В письме к П. А. Плетневу 9 дек. 1830 г., в котором перечислялись произведения, созданные «болдинской осенью», Пушкин назвал «Домик в Коломне» «повестью, писанной октавами»; в данном контексте слово «повесть», несомненно, указывает на жанр произведения. Жанр «повести в стихах», какой, таким образом, являлся «Домик в Коломне», безусловно, находится в зависимости от жанра «романа в стихах» и уже поэтому опыт «Евгения Онегина» был необходим Пушкину в создании нового произведения. Прежде всего это сказало, конечно, в самом построении «Домика в Коломне» как строфической поэмы, в той свободе переходов от одной темы к другой и увязывании сюжета с разнообразными отступлениями, которые и определяют основные особенности композиции поэмы, еще усиленные, благодаря ее шуточной форме, в сравнении с «романом в стихах». Сказалось это и в образе рассказчика, играющем чрезвычайно важную роль в повествовании «Домика в Коломне»; и здесь, конечно, Пушкин исходил из своего прежнего опыта, хотя сам образ рассказчика в «Домике в Коломне» иной в сравнении с «образом автора» в «Евгении Онегине», он в гораздо большей степени объективирован и в большей степени поэтому влияет на восприятие самого сюжета повести.

Чрезвычайно верную характеристику образа рассказчика «Домика в Коломне» дал, на мой взгляд, Б. В. Томашевский²: по его словам, это «конкретная личность», биографические черты которой «имеют бытовой характер»; «рассказчик сливается с личностью А. С. Пушкина, но не до конца», это определено шутливо — ироническим тоном, «скрывающим за собой какое-то лукавство, не исключаяющее, впрочем и сентиментально-лирических излияний». Единственное, что мне кажется спорным в характеристике Б. В. Томашевского — это его утверждение, что «читатель может подозревать в образе рассказчика разнovidность И. П. Белкина»; думается, что этому противоречит содержание мотивированных его образом лирических отступлений (в особенности в начале поэмы). Еще более спорно мнение Б. С. Мейлаха, будто в «Домике в Коломне» «быт мещанской среды изображается глазами не стороннего человека, а представителя той же среды»³. Авторский образ «Домика в Коломне» значительно сложнее; лирические настроения, мотивированные им, глубже и содержательнее, нежели позиция представителя какой-то определенной, тем более «мещанской» среды.

Таковы, вкратце, некоторые линии сближения «Домика в Коломне» с «Евгением Онегиным»; кроме того, можно отметить еще одну характерную деталь, возникающую, как мне представляется, под непосредственным воздействием только что законченной последней главы романа — я имею в виду образ музы в IX октаве, содержащей в себе приступ к изложению сюжета.

«Усядья муза; ручки в рукава,
Под лавку ножки! не вертись, резвушка!..»⁴

Эти стихи, несомненно, представляют собой отзвук начальных строк VIII главы «Евгения Онегина», в которых различные этапы творчества Пушкина предстают как последовательные изменения облика его музы: переход к реализму «Евгения Онегина» рисовался как превращение музы в «барышню уездную»,

«С печальной думою в очах,
С французской книжкою в руках» (V, 167)

(далее Пушкин говорит о «степных» прелестях своей музы, которую он не без робости приводит на «светский раут»). «Рез-

² См. Б. Томашевский. Пушкин, кн. 2. Материалы к монографии (1824—1837). Изд. АН СССР, М.—Л., 1961, стр. 394.

³ Б. Мейлах. Пушкин и его эпоха. Гослитиздат, М., 1958, стр. 615.

⁴ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах, т. IV. Изд. АН СССР, М., 1957, стр. 327. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.

вушка» — муза «Домика в Коломне» представляет собой новую модификацию образа музы в развитии темы, поставленной в заключительной главе «Евгения Онегина»; вместе с тем это и последнее обращение Пушкина к образу музы, связанное с преодолением им традиционной поэтической символики:

«В отставке Феб живет, а хороводец
Старушек муз уж не прельщает нас...» (IV, 327) ⁵

В литературе ⁶ отмечался пародийный характер обращения к музы в «Домике в Коломне», хотя сам образ ее вполне соответствует тем изменениям в характере пушкинского творчества, с которыми оказался связан «Домик в Коломне», и, таким образом, как и в VIII гл. «Евгения Онегина», представляет собой образное воплощение нового этапа творчества поэта.

Более того, образ музы в «Домике в Коломне» мотивирован полемическим замыслом поэмы, тесно связан с утверждением права поэта на разработку «ничтожного сюжета» в противовес критике, толкавшей его на воспевание «возвышенного предмета». Сам характер разработки сюжета, ироническое его освещение и, наконец, заключительная «мораль» — все это подчинено полемическому заданию поэмы и определяет ее специфику, резко отличную от «Евгения Онегина» при всей генетической связи с ним «Домика в Коломне». Вместе с тем при всей специфичности замысла и характера «Домика в Коломне» все же нетрудно обнаружить и очевидную связь поэмы с другими произведениями, писавшимися одновременно с ней, и — благодаря этому — с особенностями художественных исканий Пушкина в период их создания.

Особенно значительно в этом отношении сближение «Домика в Коломне» с произведением, представляющим собой своего рода эстетическую декларацию Пушкина-реалиста. 10-м октября 1830 года, как уже говорилось, Пушкин датировал завершение работы над стихотворением «Румяный критик мой...», начатым еще 1 октября. Это очень знаменательное совпадение; задуманные и осуществленные параллельно оба произведения — и стихотворение, и поэма — несомненно связаны между собой своим полемическим пафосом, активным утверждением новых тем и сторон действительности, становящихся объектом внимания поэта на рубеже 30-х годов. Как и стихотворение «Румяный критик мой...», «Домик в Коломне» также является своеобразной эстетической декларацией, утверждавшей изображение будничной жизни «маленьких лю-

⁵ Ср. В. Ходасевич. Явления Музы. — В его кн.: О Пушкине. Изд. «Петрополис», Берлин, 1937, стр. 36—37.

⁶ См. там же. Ср. М. Л. Гофман. История создания и текста «Домика в Коломне». — В кн.: «Пушкин. Домик в Коломне...». Изд. «Атеней», Пб., 1922, стр. 77.

дей» как предмета поэтического изображения, независимо от того, что, в соответствии с полемическим заданием поэмы, эта жизнь изображалась сниженно, в шутивно-ироническом аспекте. Это лишь подчеркивало демонстративность утверждения «низкой» действительности в «Домике в Коломне». В свою очередь эта демонстративность обусловила непонимание поэмы как современной критикой, так и позднейшими исследователями, которые либо рассматривали ее лишь как «шутку» поэта, противопоставленную его серьезным трудам, либо же — и это наиболее характерно — искали за видимой «несерьезностью» «Домика в Коломне» некий скрытый, зашифрованный, открывающийся не сразу смысл⁷. Точно также и «Румяный критик мой...», печатавшийся долгое время под названием «Шалость», также воспринимался как «заигрывание с русской действительностью, проба пера и кисти». Такая аналогия очень характерна, и не случайно Д. Н. Овсяннико-Куликовский, которому принадлежат приведенные слова, рядом с этим стихотворением называет и «Домик в Коломне», также понятый лишь как «художественная шутка»⁸.

На связь стихотворения «Румяный критик мой...» с «Домиком в Коломне» обратил внимание Б. С. Мейлах; однако он исходит при этом из своей, как мне думается, неверной трактовки стихотворения как непосредственной отповеди Булгарину, якобы выведенному в образе «румяного критика». (Это, конечно, собирательный образ: добродушная характеристика, которая дается «румяному критику», не вяжется с нашими представлениями об отношении Пушкина к Булгарину). В результате связь между обоими произведениями представляется Б. С. Мейлаху несколько односторонне (прежде всего борьба с Булгариным), хотя в целом выводы исследователя оказываются вполне плодотворными⁹.

Утверждая в полемике с «румяным критиком» (сама эта форма спора с воображаемым оппонентом напоминает последние октавы «Домика в Коломне») право на изображение тех сторон деревенского быта, которые оправдывают «томную музу» поэта, Пушкин создает нарочито опрошенную картину русской деревни, в которой важнейшую роль играют детали, подчеркивающие ее непритязательность и будничность, про-

⁷ См.: М. Гершензон. «Домик в Коломне». — В его кн.: Мудрость Пушкина. Книгоиздательство писателей в Москве, 1919, стр. 138—151. Ср.: В. Ходасевич. Петербургские повести Пушкина. — В его кн.: Статьи о русской поэзии. Изд. «Эпоха», Пб., 1922, стр. 58—96; J. Semjonow. «Das Häuschen in Kolomna» in der poetischen Erbschaft A. S. Puskins. Text, interpretation und literaturhistorischer Kommentar. Uppsala, 1965.

⁸ Д. Н. Овсяннико-Куликовский. А. С. Пушкин. — Собрание сочинений, т. IV. ГИЗ, М.—Пг., б. г., стр. 51.

⁹ См.: Б. Мейлах. Художественное мышление Пушкина как творческий процесс. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 156.

тивопоставленные обычным поэтическим представлениям о красоте деревенского пейзажа:

«Где нивы светлые? где темные леса?
Где речка? На дворе у низкого забора
Два бедных деревца стоят в отраду взора,
Два только деревца...» и т. д. (III, 189)

Все это, не говоря уже о потрясающей сцене, следующей за этим подчеркнuto прозаическим описанием, воссоздает реалистический колорит, который и определяет характер изображения действительности в этом произведении.

В «Домике в Коломне» подобную роль также играют многочисленные реалистические детали, представляющие собой, казалось бы, основной объект внимания поэта. «Смиренная лачужка» вдовы с дочерью стояла «у Покрова... за самой будкой»; облик домика воссоздается нарочито незначительными деталями: «Вижу как теперь || Светелку, три окна, крыльцо и дверь» (IV, 327). Точно так же внешний облик старушки и исключается то, что ее лицо сравнивается с портретами Рембрандта (что само по себе, конечно, очень многозначительно), характеризуется только тем, что она «носила чепчик и очки» (IV, 328); чрезвычайно важна функция и таких деталей, как «мяуканье котов || По чердакам» (IV, 330), «кот Васька, более всех жалеющий о смерти кухарки», и т. д. Как очень точно и остроумно заметил Б. В. Томашевский, в «Домике в Коломне» описательные детали и создают сущность, дух и атмосферу произведения. Кот Васька играет не менее существенную роль, чем анонимный герой, перерядившийся Маврушей¹⁰. Но, разумеется, все эти детали не являются самоцелью, и их задача не сводится только к воссозданию определенного «колорита», о котором писал еще Белинский. По словам Б. В. Томашевского, «тщательно разработанный пейзаж петербургского захолустья гармонирует с изображением жизни» маленьких людей¹¹. Точно так же пейзаж в стихотворении «Румяный критик мой...» подготавливает читателя к восприятию трагического содержания жизни русской деревни, определяющего в конечном итоге и самый пафос произведения и его основную тональность.

В литературе (Б. С. Мейлах) отмечалась также связь этого общего тона стихотворения «Румяный критик мой...» с XV октавой «Домика в Коломне», содержащей в себе оценку русской народной песни в связи с настроениями современной литературы:

«... всей семьей,
От ямщика до первого поэта,
Мы все поем уныло. Грустный вой
Песнь русская...»
«... Печалию согрета

^{10 11} Б. Томашевский. Петербург в творчестве Пушкина. — В кн.: Пушкинский Петербург. Лениздат, 1949, стр. 29.

Можно провести эту параллель дальше и найти в «Домике в Коломне» отражение лирических настроений поэта, выраженных как в стихотворении «Румяный критик мой...», так и в других лирических стихотворениях того времени, а также, конечно, и в последних главах «Евгения Онегина» (я не останавливаюсь подробно на утверждении нового направления творчества Пушкина в известных строфах «Путешествия Онегина», также представляющих значительный интерес для сопоставления с «Домиком в Коломне» и с «Румяным критиком...»). В этом отношении важно учитывать и одновременность создания «Домика в Коломне» с названными ранее стихотворениями «Прощание», «Ответ анониму» и в особенности со «Стихами, сочиненными ночью во время бессонницы»; они многое объясняют в лирических строфах «Домика в Коломне»:

«Тогда блажен, кто крепко словом правит
И держит мысль на привязи свою,
Кто в сердце усыпляет или давит
Мгновенно прошипевшую змию...» и т. д. (IV, 328)

Это вторжение грустных интонаций в шутовую веселость «Домика в Коломне» нередко ставило в тупик исследователей; в этих и подобных стихах (особенно эпизод с графиней) старались увидеть своего рода сигналы какого-то иного смысла поэмы, разгадкой которого они и занимались. Подобное превеличенное внимание к этим настроениям в составе шуточной поэмы ничем, конечно, не оправдано; тем не менее само их существование свидетельствует о связи шуточной поэмы Пушкина с лирическими настроениями его «болдинских» стихотворений; за «веселым, шутовым рассказом» «Домика в Коломне», по словам С. М. Бонди, «чувствуется грустная, огорченная и озлобленная душа поэта»¹².

Лирика занимает, действительно, немало места в «Домике в Коломне»; ее значение неоспоримо; тем не менее это само по себе не превращает стихотворную повесть Пушкина в лирическую поэму; ее жанр предопределяет прежде всего роль эпического начала, которое, хотя и потеснено занимающими значительное место в поэме лирическими отступлениями и эпизодами, все же, в конечном итоге, определяет ее содержание. Об этом необходимо говорить потому, что в литературе о «Домике в Коломне» значение его эпического сюжета, самого рассказа о жизни героев нередко принижается, и сам он отодви-

¹² С. М. Бонди. Поэмы Пушкина. — В кн.: А. С. Пушкин. Собрание сочинений в десяти томах, т. 3. Гослитиздат, М., 1960, стр. 516.

гается на второй план¹³. Это совершенно не оправдано. Сюжет «Домика в Коломне» — далеко не случайный элемент в поэме: ради его реализации она и написана; утверждение же права на воспроизведение именно такого незначающего сюжета определяет полемический характер и прихотливую структуру поэмы, в которой и лирическое и эпическое начала играют существенную и конструктивную роль. Кстати, и сама история текста «Домика в Коломне», в силу различных причин освобожденного от ряда не связанных с сюжетом поэмы октав, косвенно свидетельствует о стремлении Пушкина выделить и подчеркнуть именно самый «рассказ». Сопоставление с «Повестями Белкина» подтверждает это положение.

Если сравнить судьбу «Домика в Коломне» и «Повестей Белкина» в момент их появления в свет, можно убедиться в общности их восприятия читателями и критикой; то, что предвидел Пушкин, заканчивая свою поэму, вполне осуществилось уже при напечатании двумя годами ранее ее опубликования пушкинских повестей. Тираде воображаемого оппонента автора «Домика в Коломне» («Как! разве все тут? шутите!..» «Ужель иных предметов не нашли?..» и т. д. — IV, 337) во многом соответствовали критические отклики на «Повести Белкина», к которым в свою очередь затем оказались очень близки и немногочисленные отрицательные отзывы на шутивную поэму Пушкина. Характерно, что в обоих случаях предметом основных недоумений и нападков критики оказались прежде всего именно сюжеты произведений: кажущаяся ничтожность содержания «Повестей Белкина», как и видимая незначительность «анекдота», положенного в основу сюжета «Домика в Коломне», сбивали с толку критиков, оказавшихся не в силах понять и по достоинству оценить произведений Пушкина реалистического периода.

Так, например, Н. И. Надеждин, в свое время поместивший в «Телескопе» крайне сдержанный отзыв на «Повести Белкина», рецензируя альманах «Новоселье», в котором был помещен «Домика в Коломне», не только удивленно спрашивал, «каким образом нашему опытному, счастливому поэту могла придти на ум работа столь непоэтическая?» и говорил о «внутренней пустоте содержания» поэмы, но и прямо солидаризировался с позицией пушкинского оппонента из «Домика в Коломне» («невольно повторим заключение, довольно искренне высказанное самим поэтом...»). Еще ранее, в одной из своих «надоумочных» статей, резко отозвавшийся о «Графе Нулине», Надеждин, несмотря на существенное изменение своей позиции по отношению к Пушкину, увидел в «Домике в Ко-

¹³ См., напр.: М. Л. Гофман. Указ. соч., стр. 31, 70, 77. Ср.: Ю. Суровцев. О поэтах и поэзии. Сборник статей. Изд. «Заря Востока». Тбилиси, 1962, стр. 168.

ломне» явление, аналогичное прежней поэме его автора: «Разве поэт не хотел ли снова доказать свое могущество творить из *ничего*, некогда принесшее ему столько славы в *Нулине*! Но, к сожалению, «Домик в Коломне» несравненно ниже *Нулина*: это отрицательное число с минусом!»¹⁴

Связанная с особенностями его эстетической позиции¹⁵, эта реакция Надеждина очень ярко характеризует прием, оказанный новой поэме Пушкина современной критикой. Именно то, что в «Домике в Коломне», как и в «Повестях Белкина», Пушкин опережал развитие литературы и литературной мысли своего времени, определило их судьбу. Общность же их судьбы во многом вытекает из общности художественных принципов, положенных в основу как стихотворной, так и прозаических повестей.

Не останавливаясь на всех сторонах связи художественных принципов «Домика в Коломне» и «Повестей Белкина», я обращаю внимание лишь на их сюжетные особенности, поскольку неверная трактовка этих произведений как критикой, так и в последующих исследованиях, исходила преимущественно из непонимания роли их сюжетов.

Одной из основных особенностей «Повестей Белкина» является традиционность их сюжетов, разрешенных, однако, в противовес определенной литературной традиции. Poleмическая направленность «Повестей Белкина» проявляется также и в иронической трактовке ряда сюжетных положений и образов повестей. Со всем этим в той или иной мере мы встречаемся и в «Домике в Коломне», хотя здесь, в отличие от «Повестей Белкина», poleмическая направленность более обнажена: жанровые особенности стихотворной повести обусловили более активное и непосредственное вмешательство автора-рассказчика, охотно раскрывающего свои карты и явно обнаруживающего то, что в «Повестях Белкина» скрыто за большей объективностью авторской позиции.

Прежде всего, в «Домике в Коломне», как и в «Повестях Белкина», мы имеем дело с сугубо традиционным сюжетом: мотив «переодетый мужчина» распространен в фольклоре и литературе разных народов, и в связи с этим высказывались различные догадки о происхождении этого сюжета у Пушкина¹⁶. Думается, что именно вследствие распространенности этого мотива, трудно конкретно связать происхождение сюжета «Домика в Коломне» с одним каким-либо источником,

¹⁴ «Телескоп», ч. 14, 1833, № 5, стр. 100—101.

¹⁵ См.: Ю. Манн. Н. И. Надеждин — предшественник Белинского. — «Вопросы литературы», 1962, № 6, стр. 164.

¹⁶ См.: Б. В. Томашевский. Пушкин и Франция. «Советский писатель», Л., 1957, стр. 256—260; Н. С. Державин. Сборник статей и исследований в области славянской филологии. Изд. АН СССР, М.—Л., стр. 171—172; J. Semjонов. Указ. соч., стр. 85—88.

однако то, что Пушкин пошел именно по пути трансформации такого заведомо традиционного мотива, характерно для него и как автора «Повестей Белкина» (ближе всего к «Домику в Коломне» в этом отношении стоит, конечно, «Барышня-крестьянка», но в равной мере и другие повести связаны с подобным переосмыслением традиционных сюжетов и мотивов в определенных литературных целях). Поэтому в «Домике в Коломне», как и в «Повестях Белкина», важна не столько сюжетная схема, сколько то, каково ее реальное осуществление в произведении. Как и в «Повестях Белкина», Пушкин в своем «Домике в Коломне» пошел по пути изображения повседневной, будничной действительности, жизни рядовых, ничем не примечательных героев, хотя все это и освещено в данном случае иронически и шутливо при утверждении права на изображение этой жизни и этих героев в литературе.

«Домик в Коломне», конечно, отличен от таких повестей, как «Станционный смотритель», здесь нет гуманистического аспекта в освещении темы «маленького человека»; однако само внимание к жизни «бедных людей» определяет обращение Пушкина к сюжету его поэмы. Думается, что нет никакой необходимости приподнимать шутливую поэму Пушкина и привносить в нее то, что исключалось самим характером «Домика в Коломне»¹⁷. Для Пушкина дело заключалось вовсе не в том, чтобы вызвать повышенное сочувствие к своим героям, к тому же попадающим в смешную ситуацию. Важно для Пушкина другое: то, что в своей остающейся до конца шутливой стихотворной повести при всей незначительности ее сюжета и невозможности вывести из нее какую-нибудь высокую «идею», он вводил в русскую литературу как объект поэтического изображения новые пласты действительности, новых героев, имеющих такое же право на внимание, как и те, с которыми было связано представление о «высоком» в литературе. Эту же задачу Пушкин решал и в своих «Повестях Белкина», и очень знаменательно, что она одновременно встала перед ним и в стихотворном и в прозаических произведениях. Для Пушкина 30-х годов характерно, что и в своей прозе, и в своей поэзии он решает аналогичные художественные задачи, и «Домик в Коломне» — одно из первых проявлений этого в его творчестве. «В эволюции стихотворного повествования, — писал Б. В. Томашевский, — Пушкин приходил к задачам, разрешавшимся им на следующем этапе в области повествования прозаического. «Домик в Коломне» — шаг к «Повестям Белкина»¹⁸.

¹⁷ См., напр.: Н. К. Пиксанов. Пушкин и петербургская беднота. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. III. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 178—183.

¹⁸ Б. Томашевский. Пушкин, кн. 2, стр. 433.

«Домик в Коломне» предопределяет также и дальнейшее развитие стихотворного эпоса Пушкина 30-х годов. В литературе уже отмечалась очевидная связь «Езерского» с традициями «Домика в Коломне»¹⁹. Утверждение Пушкина —

«... имел я право
Избрать соседа моего
В герои повести смиренной,
Хоть человек он не военный,
Не второклассный Дон Жуан,
Не демон — даже не цыган,
А просто гражданин столичный...» и т. д. (IV)

продолжает начатое «Домиком в Коломне» активное утверждение эстетического равноправия «низкой» темы в литературе. И «Медный всадник», продолжая намеченные в «Домике в Коломне» и «Езерском» тенденции, связывает уже воедино тему «маленьких людей», разрешенную трагически, с значительным идейно-философским наполнением «петербургской повести». Но все это выходит за хронологические пределы, которым ограничена моя тема.

Таким образом, сопоставление «Домика в Коломне» с другими произведениями осени 1830 года позволяет увидеть за этим нечто большее, чем простое сравнение разных по жанру и по форме произведений. Оно обнаруживает стоящее за этим единство художественных исканий Пушкина рубежа 30-х годов, которые с неизбежностью вели его к постановке новых тем, расширению сферы изображения действительности и демократизации литературы. Пушкин шел навстречу новым тенденциям литературного развития, прокладываям себе путь в русской литературе, и в этом отношении полно смысла значение, которое имел «Домик в Коломне» в формировании «натуральной школы». Чрезвычайно показательна также обнаруживаемая близость «Домика в Коломне» и «Повестей Белкина». Осмысление единства художественных исканий Пушкина в поэзии и прозе имеет принципиальное значение для выяснения путей утверждения реализма в русской литературе.

¹⁹ Там же, стр. 451. Ср.: О. С. Соловьева. «Езерский» и «Медный всадник». История текста. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. III, стр. 300.

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ им. С. М. КИРОВА

КАФЕДРА ЛИТЕРАТУРЫ

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

ПСКОВ

1968